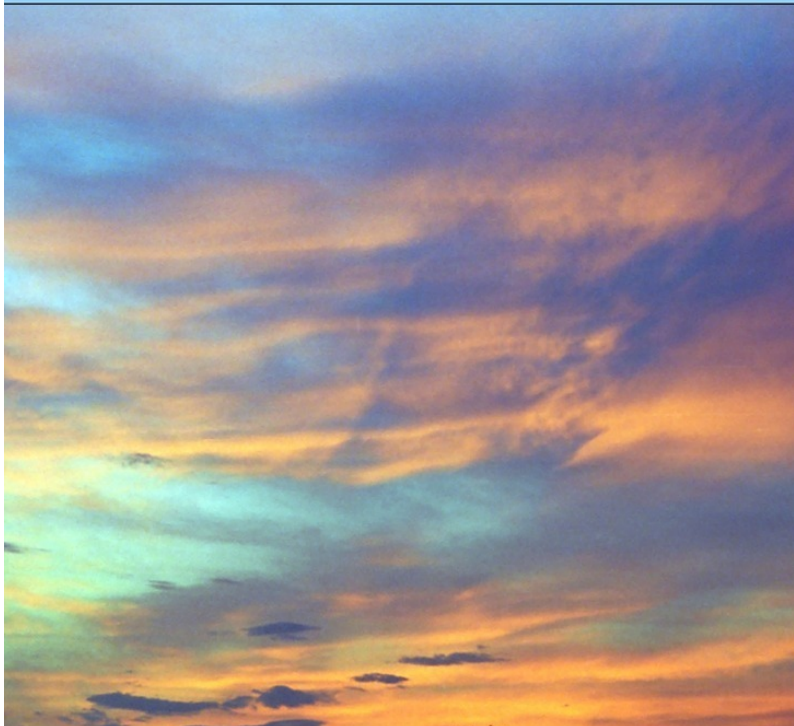

Жюли Кошка

Вид с крыши

Жюли Кошка

Вид с крыши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34110386

ISBN 9785449092588

Аннотация

Она – «правильная» девочка из «хорошей» семьи. И ее жизнь – это жизнь обычной школьницы. Вот только мальчишки совсем не обращают на нее внимания. Но однажды все меняется. Однако куда приведут эти перемены, если тот, кто ее заметил – «плохой» парень?..

Вид с крыши

Жюли Кошка

© Жюли Кошка, 2018

ISBN 978-5-4490-9258-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Что-то ты физику сегодня у меня не стала списывать.

Сама смогла сделать? – спросила Вероника, с интересом поглядывая на подругу. Наташка не отличалась глубокими познаниями в этом предмете, да, собственно, и не стремилась отличаться. Ей и так было хорошо. Она просто всегда перед занятиями физики брала тетрадь у Вероники, и все списывала, а сегодня не стала, хотя домашка была сложная.

– Нет, Серый списать дал. Представляешь, сам предложил! – Наташка сделала круглые глаза и выразительно посмотрела на Веронику. Девочки, не торопясь шли домой, наслаждаясь наконец-то обретенной после восьми уроков свободой.

– С чего это он? – Вероника удивленно приподняла брови. Хотя, что тут удивляться. И так все было ясно. Наташка очень симпатичная, с хорошей, уже почти оформившейся к четырнадцати годам фигурой, с доходящими почти до та-

лии, всегда распушенными светло-русыми, густыми и даже немного вьющимися волосами, с большими темно-кариими глазами, обрамленными длинными и всегда умело подкрашенными ресницами, розовощекая и вечно улыбающаяся. Девочка с такой внешностью, да, к тому же еще веселая, общительная и выплескивающая в мир кучу своих идей и неугомонных фантазий, не могла не привлекать мальчишек. Серьезно Наташка пока не с кем из них не дружила, но вниманием пользовалась. Вероника ей немного завидовала. На нее представители противоположного пола совсем никак не реагировали. Некое подобие романа случилось у нее в детском саду, в подготовительной группе. Она чем-то приглянулась новенькому мальчику, который пришел к ним в начале года. Он всегда старался сесть рядом с ней, отбирал для нее у других хорошие игрушки и никому не позволял ее обижать. Вероника до сих пор так и не поняла, нравился он ей или нет. Тогда она очень мало значения придавала подобному к ней отношению. Ну, ухаживает и ухаживает, приятно, конечно... А после новогодних праздников он не пришел. Воспитательница сказала, что они получили квартиру где-то в другом районе. И когда Вероника поняла, что, возможно, больше никогда не увидит его, ей стало вдруг грустно и досадно. И сейчас она иногда вспоминала этот детсадовский небольшой роман, и ей становилось еще печальнее от того, что к четырнадцати с половиной годам он оказался единственным в ее жизни...

– Да я сама немного удивилась! Я уж с месяц, как заметила, что он на меня поглядывает. А сегодня вдруг перед уроками тихо так спрашивает: «Ты физику сделала?» «Нет», – говорю. «Возьми у меня, спиши, если хочешь», – сует мне тетрадку, а сам краснеет, как рак вареный и глаза опускает. Смотреть на меня стесняется. Ну, я отказываться не стала. В физике он, вроде, шарит. Так что взяла и списала... Слушай, ты что сегодня вечером делаешь?

Вероника в раздумье пожала плечами.

– Да ничего.

– Приходи ко мне. Ванька приехать должен. Поболтаем, музыку послушаем. Родители, конечно, дома будут, в том числе и Ванькины, но им будет не до нас. Так что...

Ванька, или Иван, – это двоюродный брат Наташки. Ему было уже пятнадцать, и он учился в девятом классе. С родителями, а иногда и один, он часто бывал в гостях у родственников, поэтому Вероника его хорошо знала. Причем знала уже лет с восьми, с тех пор, как они с Наташкой познакомились в первом классе и стали дружить. Такой же подвижный, живой, веселый и неугомонный, как Наташка. Они даже внешне сильно походили друг на друга, хотя были только двоюродными. Веронике он, пожалуй, даже нравился, но вот нравилась ли она ему? На этот вопрос, который отчего-то часто лез ей в голову, Вероника всегда однозначно отвечала «нет». И, почему-то, при этом испытывала чувство легкой, а может, даже и не слишком легкой досады.

– Хорошо, приду, если мама отпустит.

– Да уж ко мне-то отпустит, наверно!

– Наверно... – Вероника вздохнула. Мама далеко не всегда, и далеко не везде разрешала ей ходить. Наташке в этом плане жилось гораздо более вольготно. И тут Вероника ей тоже немного завидовала. Мама, вообще, во всем старалась контролировать жизнь Вероники. Хотя, нельзя сказать, что она чересчур ее ограничивала. Пожалуй, формально она ей даже ничего не запрещала. Просто она говорила: «Вероника, ты ведь уже взрослая, сама прекрасно понимаешь, что этого делать не стоит...» И Вероника соглашалась, но порой чувствовала, что если бы не согласилась, и поупорствовала в своем выборе, то мама бы, возможно, отступила и сдалась. Изредка Вероника даже так и делала, и результаты ее вполне устраивали, но огорчать мать она не любила, и согласиться с ней было для нее значительно проще, чем идти наперекор.

Вероника пришла домой, скинула обувь, стянула пальто и шапку, которую мама настойчиво советовала носить, хотя многие девчонки, да и Наташка тоже, ходили пока еще без головных уборов, так как на улице стоял конец октября, и погода была не особо холодная. Она подошла к большому зеркалу в прихожей, распушила предательски примятую шапкой челку, поправила приплюснутую прическу из косичек и оглядела себя с головы до ног. Она была среднего роста и стройная (надо отдать должное ее маме, которая неусыпно следила за ее осанкой), излишним весом не страдала, и,

пожалуй, даже была чуть худее, чем Наташка. Все это ее устраивало. Но на этом, то с чем она пребывала в гармонии, заканчивалось. А дальше начиналось то, чем она была либо недовольно, либо возмущена, либо от чего, вообще, приходила в отчаяние. Почти не было груди. Понятно, что ей только четырнадцать, но у многих девчонок в классе с этим все в полном порядке, а у нее.... Мама как-то не так давно веско сказала: «Вырастет», и Вероника верила и надеялась. Но если этот изъян, возможно, скоро и пройдет, то цвет волос... Она бы их прямо сейчас перекрасила во что угодно, только чтобы не видеть этого безобразия в зеркале. Но мама неустанно восторгалась ее волосами! Рыжие... Нет, ни огненно-рыжие, и ни какие-нибудь там каштановые или с медным отливом, как у красавиц из романов, а светло-рыжие, даже не светло, а блекло рыжие. Веронике казалось, что прежде, чем ее волосы попали к ней, их долго-долго держали под палящим солнцем, и отдали ей только тогда, когда они стали полностью выцветшими, слинявшими и обесцвеченными. Длинные прямые блекло рыжие патлы – она воспринимала их именно так. Состричь бы, но опять не советовала мама. И приходилось каждое утро с ними возиться, расчесывая, укладывая в какие-то прически, заплетая в косы... А еще глаза. Вероника всегда мечтала о зеленых глазах, как у мамы. Но нет. Глаза у нее были серые, папины. Она никогда не любила серый цвет. Он казался ей печальным и даже скучным. И у нее глаза именно такого цвета! Худенькая

и стройная, но с не оформившейся фигурой, с тускло-рыжими волосами, заплетенными в какие-то девчачьи детские косички, хоть и мудрено уложенные на затылке, с пусть даже и большими, но серыми, как пасмурное небо, глазами, и от них становящимся блеклым и бесцветным лицом (мама полагала, что краситься ей еще слишком рано), она казалась себе настоящим заморышем. И как с такой внешностью можно кому-то нравиться? Вполне естественно, что мальчишки даже не смотрят в ее сторону. А ведь некоторые девчонки из их класса уже встречаются с мальчиками. Но ей это точно не грозит. Вероника уныло вздохнула. Но, в конце-то концов, ей только четырнадцать, внешность меняется, да и самой можно многое чего подправить (не всегда же мама будет ее наставлять), а мальчики... Вероника вспомнила, что Наташка пригласила ее к себе вечером. А там будет Иван. От этой мысли по спине пробежали приятные мурашки. Пусть он на нее, как на девчонку и не смотрит, но все же сегодня она окажется в мужском обществе. Так что надо побыстрее выучить уроки и привести себя в порядок. И Вероника со значительно улучшившимся настроением отправилась в свою комнату, чтобы начать заниматься.

Они жили с мамой и папой в большой трехкомнатной квартире. Братьев и сестер у Вероники не было. И иногда она жалела об этом. Наташка, конечно, хорошая подруга, но Вероника хотела бы иметь кого-то родного и близкого, с кем бы можно было поделиться своими мыслями и про-

блемами, и кто бы всегда был рядом, жил вместе с ней. Да и мамино чересчур ответственное воспитание ложилось бы не только на одни ее порой уж слишком покладистые плечи, но и еще на чьи-нибудь, возможно, более свободололюбивые и непокорные. Но это были мечты. А, вообще, жилось Веронике, не смотря на мамину дотошность в педагогических вопросах, не так уж и плохо. Родители ее любили. Причем отец любил практически безо всяких корректирующих посягательств на ее личность. И Вероника была ему за это благодарна. Папа преподавал в институте, и три года назад получил профессорское звание, чем Вероника очень гордилась. Отец почти все время был занят работой: либо пропадал в институте, читая лекции студентам, либо сидел дома, утопая в книгах, интернете и своих записях. Но на то, чтобы выслушать Веронику, попытаться решить ее проблемы, найти какое-то порой так необходимое доброе слово, у него времени все же хватало.

Мама тоже преподавала в институте, но, все же, тратила на свою работу гораздо меньше времени, чем отец. На первом месте у нее всегда стояло воспитание дочери. В Веронике она души не чаяла, но, возможно, именно поэтому во всем опекала ее и была к ней очень требовательна, стремясь, чтобы дочь являлась постоянным поводом для гордости. И Вероника старалась соответствовать возложенным на нее запросам, хотя, нередко, и уставала от этого...

Вероника быстро сделала домашнее задание, приготовила

на скорую руку ужин, так как мама сказала, что придет сегодня попозже. А когда раздался звонок в дверь, она уже была полностью готова к тому, чтобы идти к Наташке в гости. Ей очень хотелось подкраситься, но она знала, как на это отреагирует мама, поэтому не стала рисковать.

– Мамочка, привет! – Вероника выхватила из рук матери тяжелую сумку с продуктами. – Как дела?

– Привет, дорогая! Все хорошо. Ты куда-то собралась? – Мать сразу заметила, что Вероника одета не по-домашнему.

– Да. Я хотела к Наташе сходить. Можно?

Мать взглянула на часы.

– Уроки все сделала? – Вероника утвердительно кивнула. – Ладно. Но только до восьми часов, хорошо? И еще. Там опять эти парни на лестнице собрались, как будто места другого нет. Спустись, пожалуйста, на лифте, не ходи пешком.

– Хорошо, мам.

Они жили на втором этаже. А на площадке между вторым и первым этажами постоянно собиралась молодежная компания. Особенно вечером часто можно было даже сквозь запертую дверь слышать гул их разговора, громкий гогот и крики. Маме это очень не нравилось. Она пыталась с ними бороться, иногда выходила и делала замечания, просила уйти, но все это мало помогало. В лучшем случае на один раз. И если Веронике нужно было куда-то выйти, а площадка была оккупирована молодежью, то мама всегда отправляла ее на третий этаж, чтобы она спустилась оттуда на лифте, так

как с их, второго этажа, лифт не ходил.

Вероника надела шапку, пальто и изящные высокие ботинки со шнуровкой – она их очень любила и гордилась ими, так как отвоевала разрешение на их покупку в споре с мамой. Перекинув через одно плечо свой рюкзачок, Вероника махнула маме рукой и выбежала за дверь. На межэтажной площадке галдела компания человек из семи-восьми. Вероника скользнула по ним взглядом и быстрым шагом направилась по лестнице на третий этаж. Кнопка вызова лифта ярко светилась оранжевым светом и никак не гасла. Вероника прислушалась: лифт молчал. Она со слабой надеждой потыкала в кнопку пальцем, но та, как горела, так и продолжала гореть. Лифт не работал. Вероника вздохнула и стала спускаться вниз по ступенькам. Что ж, придется пройти сквозь кучу курящей и, наверняка, выпивающей молодежи. Добравшись до второго этажа, Вероника ускорила шаг. В нос ударило едким запахом дыма и пива. Вероника опустила глаза, стараясь быть как можно менее заметной, но все-таки чувствовала, что на нее пялятся.

– О, а чё не на лифте-то? Решили до нас снизить, или лифт подвезти отказался?

Раздался дружный гогот. До спуска на первый этаж всего два шага. Вероника метнулась к спасительному выходу, но один из парней преградил ей дорогу.

– Да ладно, не спешите, мадемуазель, или как вас там? Почтите уж нас своим присутствием. А то вы все на лифте,

да на лифте. Познакомимся, хотя бы. С вашей-то татап мы постоянно общаемся. Она нас все просит покинуть помещение. Будем теперь и с вами знакомы.

Снова раздался дружный хохот, а парень, говоривший это, схватил ее за руку чуть выше локтя. Вероника испугалась и дернулась в сторону.

– Пусти!

– Мы к ней на «вы», а она к нам, как к холопам! Нехорошо!

Вероника быстро вскинула глаза на державшего ее парня. Он издевательски улыбался, в глазах горел злой огонек. Вероника снова попыталась вырваться, но парень не отпустил ее.

– Хватит! Пусти ее, Мих!

Вероника обернулась в сторону голоса. С подоконника соскочил еще один парень. Он был выше и явно старше первого. Когда он подошел вплотную к ним, Вероника узнала в нем соседа с девятого этажа. Она знала о нем только то, что он учится в одиннадцатом классе, и что его мать года три назад разошлась с его отцом, который пил и хулиганил чуть ли не через день. Даже у них на втором этаже были слышны его пьяные дикие вопли, ругательства и угрозы, когда он ломился домой. Вероника, будучи тогда еще совсем ребенком, очень боялась его. И помнила, как радовалась, когда мама сказала, что жена, наконец-то, выгнала его, и он уехал жить куда-то в другое место. Еще она знала, что его сына зовут

Алекс. Вернее, отец всегда орал ему: «Леха!», но парни, Вероника не раз слышала, называли его «Алекс». Он был высоким, широкоплечим, крепким, кажется, ходил на какие-то тренировки – Вероника часто видела его со спортивной сумкой, спешащим куда-то. Он был красив. Так считала не только она, но и Наташка, которая давно заприметила его. «Какой у тебя на девятом этаже сосед-красавчик живет!» – порой вздыхала она. Вероника при случайных встречах исподволь бросала на него заинтересованные взгляды. Темные, почти черные волосы, острые скулы, тонкие губы, со слегка опущенными вниз уголками. Ей только никак не удавалось разглядеть цвет его глаз. Он никогда не смотрел на нее, если проходил мимо, да и никогда не здоровался. А Вероника, если вдруг оказывалась на какое-то мгновение рядом с ним, начинала чувствовать себя пустым местом. Многие парни из их дома не обращали на нее абсолютно никакого внимания, но только рядом с Алексом у Вероники возникало это странное ощущение своей ничтожности. И, возможно, поэтому, она чувствовала, что боится его. Вероника понимала, что это глупо, что нет никаких поводов для ее страха, но она боялась Алекса. Она ощущала, как при их случайных мимолетных встречах у нее пробежал холодок по спине, будто кто проводил льдинкой по позвоночнику. А сейчас Алекс стоял в шаге от нее. На нем был только тонкий свитер, хотя другие были в куртках, непослушная копна темных волос небрежно закинута назад, руки в карманах джинсов, и он в упор смот-

рел на нее... И у него были зеленые глаза. В тусклом свете, пробивающемся с нижней лестничной площадки, Вероника, наконец, смогла это разглядеть.

Парень, которого Алекс назвал Михом, тут же разжал пальцы и выпустил руку Вероники на свободу, а сам отошел. Алекс кивнул в сторону открывшегося прохода, и Вероника метнулась вниз по лестнице. Она выскочила на улицу и остановилась. Сердце колотилось, как ненормальное. Она очень испугалась, когда этот Мих вдруг схватил ее. Но сознавала, что сердце колотится не только из-за этого. Она в первый раз встретилась глазами с Алексом, он в первый раз заметил ее...

...В квартире у Наташки было светло, уютно и шумно. Взрослые что-то громко и весело обсуждали в гостиной, пахло пирогами.

– Давай, раздевайся, скорей! – торопила ее Наташка. – Пойдем ко мне в комнату, там посидим. Ванька тоже пришел! У предков своя компания: ни они нам не нужны, ни мы им.

Вероника сняла верхнюю одежду, подошла к зеркалу, одернула симпатичное голубое платье, поправила примявшиеся под шапкой волосы. Щеки покраснелись от холода, быстрой ходьбы и пережитого волнения, глаза блестели. Сейчас она даже сама себе понравилась. Хотя, может, у Наташки свет как-то по-другому падает...

Иван сидел в наушниках на диване и слушал музыку.

– Привет! – негромко произнесла Вероника и в знак приветствия слегка взмахнула рукой. Иван скользнул по ней взглядом и ограничился лишь поднятием руки. Музыка, звучащая в наушниках, явно интересовала его больше, чем появление Вероники. Наташка притащила еще кое-какой еды вдобавок к той куче, которая красовалась у нее на письменном столе, и усадила Веронику ужинать. Вероника хотела было рассказать о том, что с ней только что произошло, но потом вдруг передумала, решив оставить эту историю только для себя.

Иван, наконец-то, стянул с себя наушники.

– Классная музычка, Наташка! Скинешь мне потом на флешку. Ну, что, девчонки, будем пировать?!

Говоря это, Иван подошел к девочкам и положил руки им на плечи. К подобному отношению со стороны Ивана Вероника до сих пор привыкнуть не могла. Он либо почти не замечал ее, лишь слегка давая понять, что в курсе ее присутствия, либо, наоборот, проявлял чересчур фамильярные знаки внимания. Может, это и было нормальным в общении между парнями и девочками, но так как Вероника ни с чем таким никогда и нигде в отношении себя больше не сталкивалась, то это казалось ей немного странным, хотя, возможно, именно подобное отношение притягивало ее к Ивану.

Они поели и уселись на диван, причем Иван втиснулся между ними и закинул руки им на плечи, слегка приобняв

обеих.

– Ну все, девчонки, еще полгода и я вольная птица.

– Ты что, дальше учиться не собираешься?! – удивилась

Вероника.

– Собираюсь, Вероничка, но не в школе. – Это ласково-пренебрежительное обращение всегда чем-то задевало Веронику. Иногда задевало в хорошем смысле слова: оно нравилось ей, и даже как бы подтверждало, что Иван не совсем уж к ней равнодушен. А иногда оно ее раздражало: что она, маленькая девочка, что ли?! Все зависело от контекста, интонации и ее собственного настроения.

– Это вы тут, мелюзга, останетесь прозябать еще на год, а может, и три, а я буду уже взрослым человеком. В колледж пойду. Там все равно жизнь другая. Да и от родителей свободы больше будет. – Иван мечтательно закатил глаза.

– Я, кстати, тоже насчет колледжа подумываю, – обронила Наташка.

Вероника оторвалась от спинки дивана и подалась вперед, чтобы посмотреть на подругу.

– Но мы же с тобой хотели вместе в десятый идти! Я что теперь, *одна* по одиннадцатый класс в школе торчать буду?

– Вероник, ты не паникуй. Во-первых, я еще до конца не решила, полтора года впереди. Да и на Ваньку хочу посмотреть: может, ему вовсе и не понравится его так называемая свобода.

Обратно Вероника шла не в очень хорошем настроении.

Планы Наташки ее не обрадовали. Вполне возможно, что она уйдет после девятого, тем более, что учиться ей не особо нравится. А Вероника останется одна. Вопрос о том, чтобы уйти после девятого класса в какой-нибудь техникум или колледж дома даже не обсуждался. Уже с первого класса мама была настроена на то, что Вероника окончит все одиннадцать. А Вероника просто училась, и, вообще, об этом не задумывалась. Есть одиннадцать классов, значит нужно в них отучиться. Но они с Наташкой дружат с первого класса. И она ее единственная близкая подруга. Конечно, Вероника с удовольствием общается с другими девочками, но Наташка... А не будет Наташки – не будет и Ивана. А он Веронике, как ни крути, все-таки нравился. И он был единственный, кто обращал на нее хоть какое-то внимание...

...Декабрь выдался малоснежный и морозный. Вероника пришла из школы. Была пятница, а в этот день она всегда делала уборку в квартире. С двенадцати лет эта обязанность была полностью возложена на ее плечи. Учеба учебой, но от домашней работы ее никто не освобождал. Время было часа четыре. На улице уже стемнело. Родители пока еще не вернулись. Вероника помыла полы и собралась вынести мусор. Для этого нужно было спуститься на улицу к подъезду. Одеваться было лень – ну, не околеет же она за десять секунд! Вероника, как была в тонкой футболке и бриджах, лишь накинув на плечи широкий шарф и всунув босые но-

ги в ботинки, схватила ведро и выбежала в коридор. Дверь в подъезд запиралась на магнитный замок. Вероника при выходе, распахнула ее пошире, надеясь успеть заскочить обратно, пока та очень медленно двигается назад. Но вытряхнув мусор, она обнаружила, что дверь ее все-таки опередила. Вероника вытащила связку ключей из кармана бриджей и приставила нужный к замку, но тот привычно пискнув, почему-то не открылся. Вероника повторила процедуру еще и еще раз. Но результат не изменился. А она уже чувствовала, как мороз с азартом начинает выполнять свое предназначение. Вероника натянула шарф на голову и его длинными концами потуже завернула плечи и грудь. Она уже раз пятнадцать приложила ключ к замку, но толку не было. Набрала номер соседей. Никто не отвечал. Что же делать?

– Решила воспаление легких подхватить? – раздался позади нее мужской голос.

Вероника резко обернулась. Прямо за ее спиной стоял Алекс.

– Замок не открывается, – пробормотала Вероника плохо слушающимися от холода губами.

Алекс вытащил свой ключ из кармана куртки и приложил к замочной впадине. Но кроме издевательского писка больше ничего не последовало.

– Надо было дверь припереть чем-нибудь, чтоб не захлопнулась. Замок уже не первый день барахлит.

– Я не знала.

Алекс расстегнул куртку и накинул ее на плечи Вероники.

– В рукава продень, а то сейчас совсем концы отдашь.

Вероника растерялась от неожиданности и уставилась на Алекса.

– Надевай скорее!

– А ты?

На Алексее была тонкая рубашка.

– А я пока попытаюсь дверь открыть.

Вероника просунула руки в рукава. Куртка была сильно велика, но от этого только лучше грела. Еще она хранила тепло Алекса. Вероника закуталась и поняла, что от холода все-таки не умрет. Она стала следить за действиями парня. Он раз пять безрезультатно приложил ключ к замку, затем стал обзванивать соседей. В нескольких квартирах никто не ответил, а в одной какой-то ворчливый недовольный дед послал подальше. Но, наконец, кто-то, все-таки, открыл дверь.

– Заходи.

Вероника хотела вылезти из куртки, чтобы отдать ее Алексу и заодно взять стоящее рядом мусорное ведро. Но Алекс подхватил ведро, и кивком головы указал на открытый проход.

– Заходи уже.

Вероника послушно скользнула внутрь и замешкалась на площадке первого этажа, не зная, как быть дальше. Алекс прошел следом за ней и, не дожидаясь ее, стал поднимать-

ся по лестнице. Он остановился возле двери в ее квартиру и поставил ведро на пол.

– Ну что, не совсем замерзла?

Вероника подняла на него глаза. Он смотрел на нее в упор своими кошачьими зелеными глазами. Вероника отрицательно замотала головой.

– Нет. Спасибо...

Она сняла с себя куртку и протянула Алексу. Он взял ее, при этом продолжая молча смотреть на Веронику. Вероника растерялась, и, засмутившись, хотела опустить глаза, но оторваться от зелени его взгляда оказалось не так-то просто. А Алекс вдруг спросил:

– Тебя, ведь, Никой зовут?

Никой? Ее никто никогда так не называл. Она всегда была только Вероникой и для знакомых, и для Наташки, и для мамы и папы.

– Вероникой, вообще-то... – едва слышно возразила она.

Его взгляд будто смягчился, и он неожиданно улыбнулся лишь одним краем губ.

– Пока, Ника...

И Алекс пошел к лестнице и стал спускаться вниз. А через мгновение хлопнула входная дверь. Вероника оторопело стояла возле квартиры. Сердце колотилось, ноги сковала непонятная слабость. И вдруг до нее дошло: ему не надо было домой, к себе на девятый этаж, он увидел ее у двери раздетую, пытающуюся попасть в подъезд, и подошел, чтобы

помочь. Помочь ей...

...До каникул и новогодних праздников оставалось совсем чуть-чуть. Наступил последний учебный день. Контрольные были уже все написаны, оценки, как всегда, выглядели очень прилично. Мама, конечно, мечтала, чтобы Вероника была круглой отличницей, но она почти постоянно немного не дотягивала, хотя занималась на совесть, и порой, на пределе своих возможностей. В этот раз была четверка по химии. Сложные темы. И две последние проверочные работы напрочь завалили четвертную пятерку. Но Вероника особо не расстраивалась. Тем более сегодня, когда голова у нее была занята другим. Именно в этот день устраивался показ моделей одежды, которую девочки в течение двух первых четвертей создавали на кружке кройки и шитья. И Вероника ходила на этот кружок. Учительница была человеком очень творческим и интересным, умела подать много новых и необычных идей и всегда поддерживала таковые от своих подопечных. Девочки сами придумывали различные модели, а потом с помощью Анны Владимировны, так звали их учительницу по шитью, воплощали их в жизнь. Вероника посещала ее уроки уже третий год. Мама только плечами пожимала на увлечение дочки. Она бы гораздо больше поприветствовала курсы английского, ну, или занятие живописью, а тут... Правда, Вероника, ходила еще и в музыкалку, на скрипку. Но только до седьмого класса. Стала хромать

успеваемость в школе, и от занятий пришлось отказаться. Мама хотела избавиться от кружка кройки и шитья, но Вероника не на шутку заупрямилась. А так как делала она это редко, то мама поняла, что случай серьезный, и решила уступить.

Вероника очень нервничала. Показ одежды был как бы номером в новогоднем концерте, который приготовили школьники разных классов. И у Вероники должно было демонстрироваться два платья, которые она успела сшить за четыре месяца учебы, предварительно придумав и скроив их с помощью Анны Владимировны. Но нервничала она не из-за своих платьев, а из-за того, что показывать их придется ей самой. Когда готовили демонстрацию, Вероника, в отличие от многих девочек, не захотела сама выходить на сцену. Ее с энтузиазмом предложила заменить одноклассница Марина, которой платья пришлись по размеру. Будущие модели несколько дней репетировали свой выход, пробовали пройтись в нарядах. А вчера вечером Марина вдруг позвонила и сказала, что ее завтра не будет, потому что она заболела. Вероника стала в панике звонить Наташке и попросила ее выступить. Та, недолго думая, согласилась, притащила с собой туфли, но когда стали мерить платья, оказалось, что ни одно из них на Наташку не лезет. Вероника шила по своим меркам, а подруга была, как минимум на размер ее крупнее.

– Может, еще кто-нибудь согласиться?.. – Вероника была в отчаянии.

– Вероника, некогда уже поисками подходящей модели заниматься, – сказала Анна Владимировна, поглядывая на часы. – Сама шила, сама и продемонстрируешь. Нечего тут стесняться. Ты лучше туфли у Наташи возьми, примерь. Хорошо, если подойдут.

И туфли подошли. Только возникла еще одна проблема. Туфли были на высоких шпильках, а Вероника в жизни не носила обувь на таком высоченном и узком каблуке.

– Наташ, я грохнусь на сцене... – беспомощно пробормотала Вероника.

– Не грохнешься. Я же хожу. Потренируйся немного, пока время есть.

– Может, я в своих школьных туфлях выйду?..

– Совсем с ума сошла. Модели так не ходят. Да и рост у тебя до модельного не дотягивает. Сколько ты у нас? Метр пятьдесят пять, кажется? Тебя и твои наряды при таком росте только каблуки и спасут! Надевай и молчи! Красота требует жертв! Да, кстати, про макияж не забудь.

– У меня даже помады нет.

– Зато у меня все есть! Не переживай, со мной не пропадешь!

Вероника обреченно вздохнула.

Через час Вероника с трудом могла узнать себя в зеркале. Умело нанесенный опытной в этих делах Наташкой макияж сделал лицо ярче и интереснее. Даже серые глаза стали выделяться и перестали казаться тусклыми и невыразительными.

А волосы, до этого не знавшие ничего, кроме кос и хвостиков, вдруг предстали в совсем непривычном виде. Наташка собрала их на макушке Вероники и заколола своими симпатичными золотистыми заколками, а наперед выпустила две пряди, которые завила у кого-то раздобытой плойкой. Получилось очень изысканно и красиво. Вероника в некотором замешательстве смотрела на свое отражение, а Наташка старательно расправляла ей подол длинного вечернего платья. Наконец, она закончила, и, уперев руки в бока, оценивающе оглядела Веронику с головы до ног.

– Прямо Золушка на балу! – довольно прокомментировала она. – Ну что ж, не хватает только хрустальных башмачков. – С этими словами Наташка указала на стоящие возле стены золотистые туфли на шпильках.

Вероника тяжело вздохнула и всунула ноги в свои «хрустальные башмачки». С опаской прошла пару шагов. Практики ей явно не хватало. Не было привычной устойчивости, ступни ненадежно вихляли из стороны в сторону.

– Может, я матрасик с собой захвачу, чтобы подстелить, когда падать на сцене буду? – печально улыбнувшись, пошутила она.

– Да, ладно, брось, никуда не денешься!

Объявили их выход. Вероника нервно теребила подол и мысленно ругала себя за то, что приготовила для демонстрации два платья, а не одно. Так бы можно было отмучиться за один раз, и дело с концом. А тут придется два раза

выходить. А второе платье мало того, что длинное, так еще и со шлейфом. И будет просто чудо, если Вероника в нем не запутается. Ну, почему, другие шили брючные костюмы и наряды с короткими подолами, а ей романтика понадобилась! Хороша будет романтика, когда она будет барахтаться в складках своего экзотического наряда, лежа на полу школьной сцены.

Ее очередь. Она должна выйти одна. Вероника закусила губу, и, изо всех сил стараясь не раскачиваться, пошла к переднему краю сцены, который в этот момент превратилась в ее единственную цель. Только бы не упасть! Только бы не упасть! Зрителей полный зал. Все взгляды устремлены на нее. Но Вероника старалась не смотреть на них. И вот она достигла нужной точки, покружилась, и медленно пошла обратно. Неожиданно шквал аплодисментов понесся ей вдогонку. Но для Вероники сейчас самым важным было преодолеть вторую половину пути и скрыться. И, наконец, она с облегчением вздохнула.

– Молодец! – сказала Анна Владимировна, ободряюще улыбаясь. – Иди, второй наряд скорее надевай.

Второй раз Вероника вышла уже чуть более уверенно, и даже старалась улыбаться зрителям. Пленения шлейфом все же удалось избежать, а бурные овации проводили ее и на этот раз. Неужели все?! Вероника посмотрела на часы. Время уже четыре. Мама просила ее по возможности не задерживаться, так как они собирались сегодня в гости. Ве-

роника дождалась окончания их демонстрации и подошла к учительнице.

– Анна Владимировна, можно я пойду?

– Да, Вероника, конечно! Ты просто молодец, а еще выступать боялась. И наряды твои всем понравились – вон как аплодировали!

Вероника взяла ключ от швейной мастерской, где остались все ее вещи, прихватила еще один свой наряд, подобрала длинный шлейф, чтобы он не путался под ногами, и освободилась от красивых, но таких неудобных туфель. Кое-как ухватив их уже занятой первым нарядом рукой за задники, она вышла за дверь. Придется идти босиком. Наташка пригнала ее сюда в своих туфлях, заставляя тренироваться перед выходом. Но сейчас на такой подвиг Вероника чувствовала себя уже неспособной. Тем более что актовъй зал на третьем этаже, а мастерская на первом. А преодолеть лестницу на шпильках – дело не шуточное. Да и, вообще, она пока еще жить хочет.

При спуске со второго этажа на первый у Вероники из руки выскользнула одна туфля и с гулким эхом покатила по ступенькам. Перехватив покрепче свой длинный подол, она попыталась наклониться, чтобы поднять ее и вдруг услышала, раздавшийся совсем рядом голос:

– Что, Золушка потеряла свой башмачок?

Вероника, вздрогнув от неожиданности, вскинула глаза. Внизу на лестничной межэтажной площадке стоял Алекс

и улыбался. Вероника растерялась и почувствовала, как заливаются краской ее щеки.

– Привет... – едва слышно пробормотала она.

Алекс взлетел на несколько ступенек выше и поднял упавшую туфлю.

– А почему босиком? – он устремил на Веронику свой пронзительный смеющийся взгляд.

А Вероника почувствовала, как краснеет еще сильнее.

– Я на шпильках плохо хожу... – тихо произнесла она и тут же начала корить себя за эту фразу. Что, нельзя было сказать, что ногу натерла? Какая она женщина, раз на шпильках ходить не умеет?!

– На сцене не было заметно, что плохо ходишь.

– А ты разве смотрел?! – сорвалось с губ Вероники.

– Да. Мне просто позвонить надо было, и я вышел. Но ваше выступление я полностью видел. У тебя красивые платья. Сама придумала?

Вероника совсем засмушалась и растерялась от его комплимента и смогла только утвердительно покачать головой.

– Тебе чем-нибудь помочь? – взгляд Алекса смягчился.

– Нет, спасибо... я сама... Мне только вещи до... мастерской... швейной донести... – запинаясь и путаясь, проговорила Вероника.

– Ну, как знаешь... Ника, – Алекс вручил ей поднятую им туфлю. – Держи и не роняй больше, а то еще каблук отломится.

И он побежал наверх, оставив Веронику стоять на лестнице и приходить в себя. А приходить в себя было от чего. Сейчас у нее было чувство, будто на нее вылили огромную бочку холодной воды. Сердце бешено стучало, дыхание сбивалось, а ноги слегка подкашивались. Эта встреча... этот разговор... и Алекс предложил свою помощь... А что, если бы она согласилась? От этой мысли кровь с новой силой хлынула к щекам, и она подумала, что тогда уж точно бы не дошла на своих ватных не слушающихся ногах до мастерской. И виноваты в ее падении были бы никак не Наташкины туфли...

...После случая с туфлей на школьной лестнице Алекс начал с ней здороваться. Даже, лучше сказать, не здороваться, а приветствовать ее. Когда они вдруг оказывались совмещенными во времени и пространстве (и этим замечательным пространством, как правило, был подъезд или улица у дома) и Алекс встречался с ней взглядом, его лицо словно бы озарялось. Нет, не улыбкой, а скорее, ее легкой тенью, которая мелькала в уголках губ и где-то в глубине его по-кошачьи зеленых глаз, и он делал плавный взмах рукой, но при этом никогда ничего не говорил и, тем более, никогда не останавливался, а проходил мимо, должно быть, уже в следующий миг забывая о ее существовании в этом мире. А Вероника эти встречи забыть не могла. Она их коллекционировала, помнила каждую до мельчайших подробностей и часто оживляла их у себя в памяти. Да и как забыть момен-

ты, когда неожиданно начинают подкашиваться ноги, а язык не слушается так, что даже обычное «привет!» удается выговорить с огромным трудом. Но вот встреч этих почти за два месяца накопилось столько, что и одной руки хватит сосчитать, а если быть точной, всего четыре. Ждала ли их Вероника? Она сама толком не могла ответить на этот вопрос. Ведь она по-прежнему боялась Алекса. И сейчас, наверное, даже больше, чем обычно, когда она была для него лишь пустым местом. Но, если все-таки быть с собой предельно безоговорочно честной, то да... ждала... Но вот почему, не знала. Все, что было связано с Алексом – их встречи, их разговоры, и даже мысли о нем, носило оттенок мимолетности, отвлеченности от реальности и, казалось, ничего глубокого под собой не имело, и поэтому не могло ни к чему вести. Все это было лишь миром фантазий и домыслов Вероники, которые и появлялись-то непонятно почему, и брались неизвестно откуда. Однако, в ее жизни стали происходить и более реальные вещи. И начало их проистекало из дня показа моделей. Не один Алекс сделал ей тогда комплимент. Вслед за ним последовал и Иван, который тоже смотрел школьный новогодний концерт.

– Слушай, Вероничка, а ты клево смотрелась в своих шмотках! Даже как-то неожиданно... Ну, в смысле, все такие современные, а ты такая, как из рыцарского романа... романтичная, что ли!

Эта речь была произнесена на улице по дороге в ближай-

ший кинотеатр, куда они вчетвером, Вероника, Наташка, Иван и его друг и одноклассник Игорь, направились на второй день зимних каникул. Вероника, не ожидавшая такого комплимента от Ивана, который, вообще, принципиально их не делал, по крайней мере, ей, слегка смутилась и даже почувствовала, как заливаются жаром щеки (благо, они и так были раскрасневшимися от мороза). А полчаса спустя, когда они рассаживались в кинозале, чтобы посмотреть какой-то разрекламированный фантастический боевик, Иван, взяв инициативу в свои руки, всех четверых разместил так, чтобы самому оказаться рядом с Вероникой. Она это поняла по тому, что обычно (совместные походы в кино были не редкостью) он старался в подобных компаниях сесть с другом, а куда сядет Вероника, его заботило крайне мало. Пока шел фильм он время от времени наклонялся к ее уху и комментировал происходящее на экране, а Вероника от такой его близости смущалась и очень радовалась тому, что в зале темно, и не видно ее пылающего лица.

После киносеанса Наташка сказала, что их родители уезжают встречать Новый год к знакомым, а им разрешили пригласить к себе молодежь.

– Ты придешь? – выпалил Иван и посмотрел Веронике прямо в глаза, из чего она сделала приятный для себя вывод, что ответ его интересует. Да, и вообще, этот вопрос должна была задать Наташка, ведь Вероника *ее* подруга.

– Не знаю. Мне у родителей нужно спросить. Я Новый год

всегда дома встречала...

– Ну, ничего, изменишь своим традициям! – Иван улыбнулся своей самодовольной, самоуверенной и немного нагловатой, такой характерной для него улыбкой, но в глубине его глаз Вероника уловила опять тот же интерес. А то, что он задержал свой, всегда поверхностный, взгляд на ней чуть дольше, чем обычно, лишь подтвердило будоражащую ее догадку: Иван действительно хотел, чтобы она пришла.

Когда она взбегала по лестнице к себе на второй этаж ее сердце взволнованно и, в то же время, победоносно, отбивало барабанную дробь. Иван, наконец-то, обратил на нее внимание!

...Тридцать первое декабря. Вероника вся взбудораженная собиралась в гости к Наташке. После долгих уговоров и подключения папы в обсуждение вопроса: можно ли Веронике встречать Новый год в компании одноклассников, а, возможно, и не только, мама, наконец-то сдала позиции.

– Не впечатляет меня все это. Но раз уж даже папа за тебя вступился, то отпущу. Только все время звони мне. Поняла? – подвела итог мама и глубоко и обреченно вздохнула.

Вероника надела красивое белое с синими цветами платье с расклешенным подолом до колена и с рукавами чуть ниже локтя, которое сама скроила и сшила еще летом, продела в уши длинные серьги с синими камушками и сунула в сумку черные с синим туфли-лодочки на низком каблучке. Во-

лосы она решила оставить распущенными, завив их длинные кончики. Она покрутилась перед зеркалом и, пожалуй, даже осталась довольна своим отражением, что случилось с ней далеко не всегда. Она надела пальто, шапку и обувь и чмокнула в щеку маму, которая все это время молча и не совсем одобрительно поглядывала на нее и как бы украдкой вздыхала. Хотя Вероника прекрасно знала, что эти вздохи адресованы ей, как немой упрек, сейчас свои отвоеванные позиции Вероника оставлять никак не собиралась.

Она пулей пролетела по уже темной улице. Время было восемь вечера. Поднялась на лифте на четвертый Наташкин этаж и, чувствуя, как все трепещет внутри от предвкушения праздника, новых впечатлений, и, самое главное, встречи с Иваном, нажала на кнопку звонка. За дверью слышны были голоса, смех и звуки громко включенной музыки. И Веронике пришлось позвонить еще несколько раз, прежде чем кто-то в таком шуме расслышал залиvistую соловьиную трель.

– Вероничка, привет! Какая ты молодец, что выбралась! Предки все-таки отпустили? – дверь распахнул Иван и сразу же втянул немного смутившуюся Веронику за руку внутрь. – Давай, раздевайся скорей! Я тебе помогу! Уже почти все подошли, и родители у Наташки уехали как раз.

Иван помог Веронике снять пальто и повесил его на вешалку в прихожей, что не так-то просто было сделать, учитывая, что на несчастных крючках уже топорщилась целая

гора курток пальто и шуб. Иван оглядел Веронику с головы до ног.

– Ух, какая ты сегодня красивая. Прямо зашибись! Ну, пошли скорей! – И Иван потянул ее за руку в комнату, где толпилась молодежь.

Сердце Вероники колотилось от волнения. Иван никогда за все время их знакомства не оказывал ей столько знаков внимания. И это точно было неспроста. Он нашел Веронике свободное место на диване и, усадив ее, отправился за колой, предварительно уточнив, что она будет пить.

Народа собралось много: человек двадцать а, может, и больше. Часть из них Вероника хорошо знала. Это были их с Наташкой одноклассники или ребята и девчонки из двух параллельных классов. Наташка была человеком общительным, поэтому друзей или просто хороших знакомых было хоть отбавляй. Вероника даже порой удивлялась, зачем Наташка с ней так тесно дружит при таком большом выборе девчонок на звание самой близкой подружки. Но, видимо, были какие-то причины. А, может, просто по инерции. Ведь с первого класса вместе... Вероника отметила, что были здесь и девятиклассники, друзья Ивана, а нескольких парней и девчонок она, вообще, не знала.

– Вероника, привет! – Наташка плюхнулась на широкий подлокотник дивана рядом с подружкой. – А я уж решила, что тебя мама тормознула в последний момент.

– Привет! Она мечтала это сделать, но не решилась, –

улыбнулась Вероника.

– Слушай, ты заметила, – Наташка нагнулась к ее уху, – Иван-то, вроде как, запал на тебя!

Вероника немного смутилась от этих слов и растерянно пожала плечами.

– Он меня сегодня несколько раз спрашивал, придешь ты или нет. Ему, вообще, всегда все равно было. А тут... И дверь побежал тебе открывать, когда я сказала, что это, должно быть, ты.

– О чем шепчемся, какие тайны обсуждаем?! – Иван весело улыбнулся и протянул Веронике банку с колой. – Стаканов чистых уже не осталось. Поэтому я в банках раздобыл.

Вторую банку он протянул Наташке.

– Натали, жажду утоли! – пропел он.

Наташка хихикнула.

– Да ладно, пей, рыцарь. Себе же взял. Я этой колой упи-лась уже. – При этих словах Наташка поднялась с подлокотника и, выразительно взглянув на Веронику, направилась к танцующим, оставив их с Иваном вдвоем.

– Может, тоже разомнемся, – предложил Иван, когда кола была практически допита, а разговор клеился немного с трудом из-за громкой музыки. Вероника кивнула. И Иван, взяв ее за руку, повел в гущу молодежи, ритмично двигающейся в такт мелодии. Пару музыкальных композиций были динамичными, так что они танцевали друг напротив друга. Вероника любила танцевать и знала, что у нее неплохо получа-

ется. Иван поглядывал на нее и улыбался. Но вот неожиданно мелодия сменилась на медленную. И Вероника не успела опомниться, как Иван протянул ей руку.

– Потанцуем?

– Да, – одними губами произнесла Вероника и почувствовала, как взволнованно забарабанило сердце. Как-то так до сих пор получалось, что ее никто никогда не приглашал танцевать, не смотря на то, что они с Наташкой ходили на все праздники и дискотеки, которые устраивались в классе. Наташку приглашали, а ее нет. И вдруг сейчас... Иван опустил руки ей на талию и притянул к себе. Близко. Вероника сначала положила ладони ему на плечи, но взглянув на другие танцующие пары, тесно прижимавшиеся друг другу, она неуверенно сомкнула руки позади его шеи. Тогда Иван еще крепче притянул ее к себе, и Вероника оказалась в его объятиях, жарких, пахнущих дурманящей туалетной водой. Ростом Иван был немного выше ее, и Вероника почувствовала, как он, слегка наклонившись, прислонился щекой к ее щеке. Сердце стало колотиться еще сильнее. Вероника понимала, что такие объятия в танце ровным счетом ничего не означают, все пары танцуют так. Но для нее это было в первый раз, очень необычно, очень волнующе. Еще ни один парень не был к ней так близко, не прижимал ее к себе, не касался ее. Она ощущала его теплую мускулистую шею под своими ладонями, чувствовала его тело, сильное, крепкое, вдыхала его запах. Все было так странно и удивительно приятно...

Мелодия неотвратимо угасала. А Веронике очень не хотелось расставаться с этими ощущениями. Она мечтала, чтобы танец длился и длился до бесконечности. И в том, что музыка все-таки закончилась, утешало только чувство, что Ивану тоже совсем не хотелось выпускать ее из своих объятий...

Вечер продолжался. Спустя час, заполненный танцами и перекусами, Иван, шепнув Веронике на ухо «не скучай», отошел к компании парней, которые что-то оживленно обсуждали, а она осталась одна, притулившись на краю дивана и немного печально глядя на мигающие огоньки искусственной елки, которая стояла недалеко от нее.

– Привет! – раздалось совсем рядом, и Вероника почувствовала, как кто-то прикоснулся к ее плечу. Она подняла голову. Это была Марина, та самая Марина, которая должна была демонстрировать ее платье. Видимо, она уже поправилась.

– Привет! – улыбнувшись, сказала Вероника и бросила взгляд на Маринин наряд. Он притягивал внимание тем, что был очень облегающим и коротким, пожалуй, даже чересчур. – Ты недавно пришла?

– Да. Еле родителей уломала, чтоб отпустили. Кашель еще не совсем прошел, вот они и перестраховываются... Говорят, ты классно выступила на демонстрации моделей?!

Вероника пожала плечами.

– Кто говорит?

– Ну, Наташка, Иван.

– Иван?..

Почему-то Вероника удивилась, что Марина и Иван общаются. Они же из разных классов, да и с Наташей Марина не дружила. Так, приветствиями перекинутся и все...

Вдруг кто-то из пацанов закричал:

– Медляк! Белый танец!

– О! Пойду, кого-нибудь подцеплю, пока не расхватали! – воодушевленно воскликнула Марина и, улыбнувшись растерявшейся Веронике, направилась в сторону группы беседующих и, кажется, позабывших о девчонках, парней. Именно в этой группе стоял Иван, отчего-то именно его Марина и пригласила. А он не отказался...

«Что же я дура какая?! – ругала себя Вероника. – Нужно было тоже пойти туда и первой пригласить Ивана!» Но так как самобичевание здесь уже помочь никак не могло, она стала внимательно наблюдать за тем, как Иван и Марина танцуют. Сначала между ними была небольшая дистанция, и это порадовало Веронику. Значит, только *ее* Иван так обнимал, а Марину не собирает. Но вскоре выяснилось, что радость была преждевременной. Марина сама обвила шею Ивана, причем далеко не так неуверенно и осторожно, как это сделала Вероника. Она обхватила его и крепко прижалась к его груди, а Иван, через пару мгновений уже убрал руки с талии Марины и накрыл ими ее спину, а лицом зарылся в ее роскошные черные волнистые волосы. Вероника почувствовала, как слезы обиды подкатывают к горлу, а оно

предательски сжимается, не давая вздохнуть. Но танец, который, казалось, длился целое столетие, все-таки закончился, и Иван, отыскав глазами Веронику, так и оставшуюся сидеть в углу дивана, будто ее туда приклеили, подошел к ней.

– Извини, неудобно было отказать! – легко и как бы невзначай бросил он. – Принести что-нибудь попить, или перекусить хочешь?

– Попить... – едва слышно пробормотала Вероника, к которой, наконец-то, стало возвращаться почти остановившееся дыхание. Иван снова притащил колы. Холодный газированный напиток обжег горло и заставил Веронику окончательно прийти в себя. Оптимизм мелкими шажками возвращался в ее смятенную душу. «Иван всего лишь потанцевал с Мариной и все, и он не виноват, что она вешалась ему на шею», – рассуждала Вероника. – И, вообще, глупо переживать из-за такой ерунды». И пока Вероника сидела и вот так размышляла, наслаждаясь, хоть и безмолвной, близостью Ивана, который сидел бок о бок с ней на тесном диване, закинув на ее плечи руку, в комнате начали происходить какие-то перемены. Часть танцующих ближе к выходу из зала остановилась, и вскоре приглушили музыку. Сквозь ступавшуюся в затухающих звуках песни молодежь к ним пробилась Наташка.

– Все, каюк! Кончился праздничек! Родители приехали.

– Они же к знакомым за город отправились... – недоумевающе воскликнул Иван.

– Ну да. Только у отца машина на выезде из города отказала. И вся их поездка коту под хвост, и наша вечеринка тоже!

Вероника видела, что Наташка на грани срыва, но чем ей помочь, абсолютно не представляла.

– Ладно, не истери! Сейчас уладим все! – обронил Иван и вышел из зала.

А через некоторое время он появился и, встав в центре комнаты, всем объявил, что для желающих вечеринка переносится в квартиру Вадима, у которого родители уехали на все праздники в санаторий.

– Ну что, пойдём собираться?! – Иван потянул Веронику за руку. А она стояла в полной растерянности. Она представления не имела, кто такой Вадим и где он живет, и единственно, в чем была точно уверена, что мама ее туда не отпустит.

– Слушай, Вероника, не сходи с ума. Вадим не очень далеко отсюда живет, он знакомый Ивана, и квартира у него большая, всем места хватит. Позвони маме, скажи, что все в порядке, и пошли вместе со всеми, – Наташка уже натянула шапку и шарф и стояла у двери, производя ревизию выносимым ребятами продуктам. – Эй, там за холодильником еще одна коробка с колой, мальчики!

– Я не могу врать...

– Это не вранье. Ты просто умолчишь некоторые факты. С тобой же все в порядке, вот и скажешь маме, а ей больше ничего и не нужно.

Но Вероника так, действительно, не могла. Она позвонила домой и все объяснила, слабо надеясь на разрешение. Но его, конечно же, не последовало.

– Вероника, немедленно возвращайся! Немедленно!

И Вероника поплелась домой, размазывая на ветру капающие из глаз слезы и вспоминая разочарованное и, кажется, даже слегка обиженное лицо Ивана, пожимающего плечами и бросающего такое до боли короткое: «Зря...»

И на этом их с Иваном еще практически и не начавшийся роман был завершен. В каникулы Вероника его не видела, Наташка говорила, что на вечеринке у Вадима на него вешалась Марина, а потом он куда-то пропал и к Наташке больше не заглядывал. А после каникул Вероника увидела его возле школы целующимся, понятное дело, с этой самой Мариной. Было очень обидно и больно, а еще досадно. Вероника была почти уверена, что, пойдя она тогда к Вадиму, это она бы сейчас целовалась с Иваном, а не какая-то Марина, которая даже одеться-то прилично не умеет...

– Прошлапила ты его, подруга, по полной программе. Теперь вот жди, либо они с Маринкой разругаются, и он обратно с повинной головой придет, либо тебе кто-нибудь еще подвернется!

«Подвернется!» – какое легкое слово! Вот так раз – и «подвернется»! Только Вероника прекрасно понимала, что с мальчиками так легко у нее не будет, просто быть не может! У Наташки может, у Марины может, а у нее нет! Нет!!!

...Первый день весны. Вероника возвращалась домой после школы. Она заскочила в подъезд и уже намеривалась бегом преодолеть два пролета ступенек до своего второго этажа, как вдруг увидела, что уборщица, расставив ведра, намывает лестницу, что-то мурлыча себе под нос. Веронике не хотелось мешать ей и топтать только что помытый и еще мокрый пол, и она подошла к двери лифта и ткнула пальцем кнопку. Кнопка обрадованно засветилась, лифт где-то глухо звякнул, ожив по велению Вероники, и непонятно с какого этажа, несильно гудя, поплыл вниз. Вероника услышала, как отворилась входная подъездная дверь, но на площадку пока никто не поднялся, а лифт уже приветливо распахнулся. Она не стала дожидаться попутчиков, тем более что ехать неизвестно с кем ей не хотелось, а из вежливости несложно было отправить лифт с третьего этажа обратно вниз. Она ткнула кнопку с цифрой «3», но как только двери начали с шумом смыкаться, за ними появилась высокая мужская фигура в темной куртке и, просунув руки в щель между створками, заставила их разъехаться в стороны. От неожиданности и испуга у Вероники екнуло сердце. Но когда она подняла глаза, то почувствовала, как по ногам разливается предательская слабость, а во рту все пересыхает. Алекс ткнул на кнопку девятого этажа, и лифт, наконец-то, закрывшись, поехал.

– Привет! – он едва заметно улыбнулся, а в его глазах заплясали веселые огоньки.

– Привет... – беззвучно произнесла Вероника, с трудом разжав слипшиеся губы. Она опустила взгляд, но чувство, что Алекс неотрывно смотрит на нее, заставило вновь поднять его.

– Слушай, я по привычке на девятый нажал. Извини! – виновато проговорил Алекс, но его зеленые глаза, в которые Вероника смотрела, будто зачарованная, по-прежнему смеялись. – Придется тебе из-за меня немного на лифте покачаться.

И после короткой паузы Алекс вдруг произнес:

– А ты на крыше бывала когда-нибудь?

Этот вопрос вывел Веронику из состояния зачарованности и погрузил в состояние легкого шока. Но дар речи к ней все-таки вернулся. Выражение «клин клином» было полностью подтверждено.

– В смысле, на крыше?..

– На крыше нашего дома.

– Нет... А туда разве выйти можно?

– Конечно. Там люк есть. Хочешь подняться и посмотреть?

В глазах Алекса все еще горели веселые огоньки, но его лицо озарила улыбка, добрая и открытая, перед которой Вероника устоять не смогла.

– Хочу... – неожиданно для себя тихо пробормотала она и кивнула головой.

– Ну что ж, тогда выходим вместе.

Лифт плавно остановился, двери разошлись в стороны, и Алекс, взяв Веронику за руку, вытянул ее из тесной кабины. Ощущение реальности исчезло. Сейчас она уже должна была быть дома, в своей безопасной квартире, снимать верхнюю одежду и поправлять примятую прическу у зеркала, а она почему-то оказалась здесь, на девятом этаже, на котором не была ни разу за все время проживания в этом доме. И она с Алексом. Он держал ее за руку и вел за собой по лестнице куда-то выше девятого этажа. Краем сознания Вероника вспомнила, что у дома есть еще десятый технический этаж. Наверное, на него и вела эта лестница. Дверь была открыта. Они вошли. Алекс повернулся к Веронике и посмотрел ей в глаза.

– Не боишься? Еще не передумала?

А она должна бояться? С потерей чувства реальности происходящего растаял и страх. Алекс освободил ее от рук Миша, помог попасть в подъезд, когда сломался замок, даже ту глупую туплю помог поднять. Ей не было страшно. Но сердце колотилось, как бешенное. Она только сейчас это поняла.

– Нет...

Алекс снова улыбнулся. А Вероника почувствовала новый прилив слабости и дрожи в ногах и, на всякий случай, крепче сжала ладонь парня.

– Тогда пойдем. Нам осталась еще одна лестница.

И Алекс кивком головы указал в сторону лестницы, ведущей к люку в потолке. У ступенек, металлических и обшар-

паннных, он выпустил руку Вероники.

– Я сейчас открою люк, а ты поднимайся следом.

Свежий и холодный воздух ворвался в распахнутый Алексом люк и вернул Веронике ощущение реальности. Она ошарашенно огляделась вокруг, встряхнула головой. Неужели она под самой крышей их дома, и не с кем-нибудь, а с Алексом? Происходящее походило на фантазмагорию.

– Ника, поднимайся! – Алекс был уже на крыше и призывно махал ей рукой, склоняясь над проемом.

Вероника вздрогнула. Так было странно и отчего-то приятно слышать это свое имя, когда Алекс произносил его. Она поспешно стала подниматься по узким крутым ступенькам.

– Не торопись. Мы никуда не опаздываем.

Он подхватил ее за руку и помог влезть наверх.

– Иди сюда.

Алекс притянул ее к краю крыши.

– Не бойся, тут огорожено. Да и подходить мы близко не будем. Просто отсюда лучше видно.

Вероника встала туда, куда указывал Алекс. Он так и не отпустил ее руку, а она не отнимала. Так Вероника чувствовала себя намного спокойнее.

Было около двух часов дня. Солнце медленно клонилось к западу, освещая улицы своим безудержным весенним светом. Наверное, десять этажей – это не очень много. Но с той стороны, где они стояли, располагались только малоэтажные дома. Разноцветные крыши были под их ногами, и от это-

го казалось, что они очень-очень высоко над всем миром. Внизу все было маленькое: деревья, машины, люди, зачем-то спешащие куда-то. За неровными рядами домов простирался лес, хвойный и от этого зеленый. А за лесом было видно реку. Вероника даже не сразу поняла, что это именно река. Только присутствие противоположного берега там, в почти неразличимой дали подсказывало, что эта сероватая полоска и есть речка, пока еще спрятанная под толстым слоем льда.

– Какой простор!.. – выдохнула Вероника. – А там внизу так тесно, так много машин, людей...

– Здесь даже воздух другой, – произнес Алекс.

Вероника поглубже вдохнула. Воздух, в самом деле, был не такой, как на городских улицах. Не чувствовалось ставшей привычной примеси выхлопных газов, и Веронике даже показалось, что она ощутила запах хвои.

– Соснами пахнет.

– Это потому что лес недалеко.

Вероника поежилась и натянула на голову капюшон. Сильный ветер давал о себе знать.

– Замерзла? Тут почти всегда ветер. Может быть, пойдем?

– Нет. Давай еще немного побудем. Я со своего второго этажа такое никогда не увижу.

– С моего девятого тоже не видно. У меня окна на другую сторону выходят, а там четырнадцатизэтажки стоят.

Вероника снова зябко передернула плечами. Алекс улыбнулся.

– Все-таки замерзла.

Он расстегнул куртку и распахнутыми полами прикрыл Веронику с боков, плотно прижав ее к себе спиной.

– Так лучше?

А Вероника почувствовала легкое головокружение и в ответ смогла только кивнуть. Ощущение реальности снова стало пропадать. Неужели все это происходило с ней?

Алекс рассказывал ей, как красиво здесь весной, когда деревья только начинают покрываться нежной светло-зеленой листвой, и осенью, когда листья во дворах пестреют множеством ярких красок, как интересно летом, когда можно видеть идущие по реке суда, и как чудесно зимой, когда снег окутывает лес, и он стоит весь белый под своим снежным покровом. Вероника слушала и переносилась в то время года, о котором повествовал Алекс, и все представляла себе.

– Знаешь, – произнес Алекс, – мне иногда так хочется, чтобы у меня появились крылья, и тогда бы я смог шагнуть с края этой крыши, прямо отсюда, и полететь...

Вероника вдруг ощутила острое желание сделать это вместе с ним. И она знала, что если бы он держал ее за руку, то ей не было бы страшно...

Они еще стояли какое-то время под порывами ветра и вглядывались вдаль. И когда Алекс произнес:

– Ну что, может, пойдём? – Веронике уже казалось, что она находится здесь, в объятиях этого необычного парня очень-очень давно. И ей было спокойно и хорошо, а уходить

вовсе не хотелось, но, должно быть, было нужно...

Когда они уже спустились по крутой винтовой лестнице и направились к выходу с технического этажа, Вероника вдруг увидела кошку. Это была знакомая кошка. Она жила у них в подъезде, жильцы прикармливали ее. Вероника сама не раз носила ей еду. Но в последнее время кошка куда-то пропала.

– Ой, это же Василиса! А я думала, куда она подевалась?

Василиса подошла к Веронике и потерлась о ее ногу. Вероника опустилась на корточки и погладила замурчавшую от удовольствия кошку. Алекс тоже присел рядом и ласково провел ладонью по Василисиной спине.

– Она окатилась недели три назад. У нее тут где-то котята. Я даже пару раз слышал, как они пищали. Только не искал, не хотел тревожить. Подрастут – сами вылезут.

– Как здорово! А я так котенка завести хочу, но мама не разрешает.

– А ты возьми, да принеси домой! Я так в детстве сделал. Мне лет шесть было. Я кота на улице нашел. Ну и притащил домой. Он ластиться ко всем сразу начал. Родители поворчали, но оставили. Я его Сникерсом звал.

– Забавное имя. – Вероника улыбнулась. – А где он сейчас?

– Пропал два года назад. Любил с собаками задиаться. Видать и поплатился.

– Печально...

А потом Алекс провожал Веронику до двери ее квартиры. Они вместе спускались в лифте. В маленькой кабинке они стояли совсем рядом. Алекс смотрел на нее и улыбался, а Вероника смущалась, стараясь отвести глаза, но ее взгляд неумолимо тянулся к его взгляду. И их глаза встречались, но оба молчали... Двери лифта открылись, Алекс пропустил Веронику вперед. С третьего этажа они вместе сошли на второй и остановились у входа в квартиру. Алекс аккуратно поправил выбившуюся из-под ее шапки рыжую прядь волос и проговорил тихо:

– Пока, Ника. Увидимся.

– Пока...

И Алекс скрылся за лестничным пролетом, ведущим на третий этаж. Вероника слышала, как открылись и захлопнулись двери лифта, как тот привычно зажужжал, поднимая своего пассажира и увозя его все выше и выше и все дальше и дальше от нее, взволнованной, смятенной и растерянной...

...Восьмое марта. Вероника любила этот праздник. Но он для нее был не женским днем, а днем начала весны. Ощущаешь, что это женский день, когда тебя поздравляют мужчины, а Веронику мужчины не поздравляли. Ну, разве что, папа. Но папа – это, прежде всего, папа. А еще одноклассники перед праздничными выходными во время классного часа. Но это было коллективное поздравление: от всех мальчиков всем девочкам. Так что Вероника как-то очень с трудом от-

носила его к себе. Но как день весны этот праздник ее вполне устраивал. Тем более что весну она любила и с нетерпением ждала. Папа вчера купил им с мамой торт и коробку шоколадных конфет. И сейчас они вместе с мамой готовили вкусный обед.

Раздался звонок.

– Кто бы это мог быть? Может, к тебе, Вероника?

Вероника подбежала к двери и, не посмотрев в глазок (все равно все дома), открыла. Но там никого не оказалось. Она в недоумении оглядела пустой коридор и вдруг заметила возле своих ног небольшую, размером с обувную, подарочную коробку. А на ней сверху синим маркером было написано: «Нике от А.» Вероника растерялась. Алекс сделал ей подарок?! Но почему?! А может, это не Алекс? Но кроме него ее так никто больше не называл. Может, это розыгрыш? Но взрослый серьезный Алекс и розыгрыш никак не сочетались. Растерянность Вероники, возможно, длилась бы и дальше, если бы коробка не издала жалобный писк. Вероника тут же наклонилась над начавшим шуршать подарком. Завязок на коробке не было, зато были дырочки по бокам. Она аккуратно открыла крышку. Внутри сидел очаровательный пушистый дымчатый котенок с большущими круглыми глазками. Он пискнул и посмотрел на Веронику. И она, совершенно очарованная, взяла котенка на руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.